

DEVELOPMENT OF THE THEORY OF POLYMOTIVATION IN RUSSIAN PHILOLOGY

L. Araeva, Doctor of Philology, Full Professor
Kemerovo State University, Russia

The problem of representation of development of the theory of polymotivation in the Russian philology in connection with such debatable problems, as an internal form of the word and word-formation type, is posed in this article.

Conference participant, National championship
in scientific analytics

1. Множественная мотивация в структурно-системном освещении.

Словообразование в XIX веке не выделялось в качестве самостоятельной области научного знания, что не исключало выделение способов словообразования в пределах частей речи, обращение внимания на особенности формально-семантической организации производного слова по сравнению со словами непроизводными. Но уже в XIX веке ученые обратили внимание на такой языковой феномен, как множественная мотивация (см. в этом плане работы Г. Павского [Павский 1842], М.М. Покровского [Покровский 1898], Н.В. Крушевского [Крушевский 1998]).

В советской лингвистике проблема множественной мотивации становится одной из центральных. Академик В.В. Виноградов в книге «Русский язык», изданной в двух выпусках в 1938 г., отметил случаи неединственной мотивации производных слов. В 1947 г. в труде «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», расширив использованный ранее материал, В.В. Виноградов делает акцент на наличии множественной мотивации. В 1951 г. он вновь обращается к этому вопросу, отмечая «возможность вариаций или вариантных форм суффикса в пределах одного и того же словообразовательного типа» при наличии в нем производных с неединственной мотивацией, что является причиной «двойного морфологического членения слов в пределах одного и того же словообразовательного типа», которое «во многих случаях зависит от различной направленности смысловых связей этого слова» [Виноградов 1951:6]. Таким образом, В.В. Виноградов выделил ряд проблем в изучении множественной мотивации: (1)

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПОЛИМОТИВАЦИИ В РУСИСТИКЕ

Араева Л.А., д-р филол. наук, проф.
Кемеровский государственный университет, Россия

В данной статье ставится задача представления развития теории полимотивации в русистике в сопряжении с такими дискуссионными проблемами, как внутренняя форма слова и словообразовательный тип.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике

возможность множественной мотивации в границах словообразовательного типа, (2) возможность вариаций и вариантов суффикса в пределах типа, (3) возможность двойного морфологического членения производного слова, связанного с (4) различной направленностью смысловых связей. По сути дела, В.В. Виноградов обозначил ориентиры исследования явления множественной мотивации в русском языке, которые в дальнейшем развивались, углублялись в рамках структурно-системной парадигмы.

В.В. Виноградов задал и категорию, в рамках которой исследуется данное языковое явление, – словообразовательный тип. В 1956 г. Г.С. Зенков в статье «Процесс переразложения основ и его роль в практике суффиксального словообразования русского языка», предлагая более строго очертить словообразующие связи наиболее продуктивных суффиксов с различными разрядами производящих единиц внутри каждого словообразовательного типа, отмечает, что «сложность вопроса в данном случае объясняется наличием одновременно фактов двойной соотнесенности подвергаемых анализу производных слов» [Зенков 1956: 132].

Проблема соотношения множественной мотивации со словообразовательным типом имеет в русистике достаточно богатую традицию. Данная проблема обсуждается в работах таких исследователей, как Ю.С. Азарх, Л.А. Араева, Е.А. Земская, А.Д. Зверев, Г.С. Зенков, К.А. Левковская, И.С. Улукханов, И.А. Ширшов, Н.А. Янко-Триницкая, М.Н. Яценецкая и др. В рамках структурной лингвистики данный вопрос активно обсуждается сразу после определения словообразовательного типа. Одним из критериев

определения типа является «тождество частеречной принадлежности мотивирующих единиц». В 1954 г. К.А. Левковская [Левковская 1954] пишет о том, что критерий тождества частеречной оформленности мотивирующих является лишним при определении словообразовательного типа, ибо производные с мотивирующими, находящимися в отношении синтаксической деривации, не различаются словообразовательной семантикой. В 1992 г. в книге «Словообразование как деятельность» Е.А. Земская также приходит к выводу о том, что данный критерий, в силу значительных достижений в теории синтаксической деривации, оказывается излишним [Земская 1992].

И.А. Ширшов в 1981 году в книге «Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке» [Ширшов 1981] рассматривает данное явление в рамках архетипа, включающего ряд типов с дериватами, мотивирующие которых характеризуются инвариантной семантикой. Основное внимание в работе уделяется мотивирующим с инвариантной семантикой, то есть мотивирующим, находящимся между собой в отношениях синтаксической деривации. Данный подход делает правомерным вывод о системном характере множественной мотивации, проявляющейся в рамках гнезда.

Явление множественной мотивации рассматривается также в пределах словообразовательной ниши, понимаемой как совокупность производных с тождественным формантом, имеющих в основе мотивирующие различной частеречной оформленности и объединенных инвариантно-словообразовательным значением [Араева 1994: 214-230]. Множественная мотивация Л.А. Араевой рассматривается как

одна из напряженных точек деривационной системы, обуславливающая подвижность формально-семантических границ словообразовательного типа.

В исследованиях В.Ф. Черепановой [Черепанова 1976], Р.А. Ряснянской [Ряснянская 1980], З.И. Шаталовой [Шаталова 1984] множественная мотивация анализируется в границах производных одной части речи, то есть – в рамках словообразовательной категории.

А.Н. Тихонов, делая в своих работах акцент на выявление видов модификации словообразовательной структуры производного в зависимости от множественной мотивации в рамках словообразовательного гнезда, предлагает заменить термин «множественная мотивация» термином «множественность словообразовательной структуры производного». По его мнению, термин «множественная мотивация» не выражает главного признака таких слов – способности по-разному члениться, иметь несколько структур [Тихонов 1970]. С.Ю. Кураева, исследуя множественность словообразовательной структуры сложных прилагательных, выделяет группу, в которой «множественность словообразовательной структуры не выражена», и группу, которая «насчитывает в ряде случаев более двух мотиваций, следовательно, и структур» [Кураева 1976: 228].

Возникший терминологический разнобой обусловлен разными исследовательскими позициями ученых: одни подвергают анализу явление множественной мотивации, для других – ценностным оказывается результат действия множественной мотивации – словообразовательная структура производного. Эти подходы дополняют друг друга: множественная мотивация всегда предполагает множественность словообразовательной структуры слова. Морфемная структура слова при этом может не меняться, в то время как словообразовательная всегда модифицируется. Ср.: *оцен/щик* – тот, кто делает оценку чему-либо, оценивает что-либо.

Первыми в отечественном языкознании на достаточно объемном эмпирическом материале явление множественной мотивации исследо-

вали О.П. Ермакова и Ф.Г. Коровин. В 1964 г. О.П. Ермакова в статье «О некоторых изменениях в системе аффиксов и производящих основ качественных наречий» отмечает: «Для многих образований, имеющих в основе имя нарицательное, по-видимому, остается возможным два пути – и от соответствующего прилагательного и прямо от существительного» [Ермакова 1964: 140].

Интересны наблюдения Ф.Г. Коровина в области наречий и прилагательных. Исследователь обращает внимание на то, что «в современном русском языке одно и то же значение прилагательного на *-тель-* может быть употреблено в качественном и относительном значении [Коровин 1968: 96]. При этом, пишет он далее, выделяются и различные суффиксы производного. То есть Ф.Г. Коровин развивает на материале наречий и прилагательных мысль В.В. Виноградова о возможности двойственного морфологического членения производных слов на основе различных смысловых связей производного и производящего.

В.В. Лопатин и И.С. Улуханов [Лопатин, Улуханов 1969: 119-132] в аспекте структурно-системной парадигмы выделили критерии множественности мотивации: критерий системности [Лопатин 1977] (В.В. Лопатиным предложено слова с неединственной мотивацией называть двумотивированными и полимотивированными) и критерий разного количества формантов при различии словообразовательных структур [Улуханов 1977]. И.С. Улухановым выделены виды множественной мотивации: основные, сопровождающие, взаимосопровождающие. При синхронном описании системы словообразовательных типов, уточняет исследователь, учитываются как единственные, так и неединственные мотивации. На материале словообразовательных гнезд глаголов с суффиксом *-е-* и с суфф. *-и-* и *-ова/-ирова/-изирова/-изова-*, имеющих значение надления признаком, И.С. Улуханов выделяет возможные виды непосредственных и опосредованных мотиваций.

В 1972 г. на конференции в Самарканде по актуальным вопросам русского словообразования (проводимой

А.Н. Тихоновым) в качестве основной рассматривается проблема множественной мотивации, множественности словообразовательных структур производных [АПРС 1972]. Появились и противники множественности мотивации. В частности, А.И. Моисеев выступил с докладом «Существует ли «множественность производности» слов?». Основной пафос его выступления в том, что «одна и та же языковая единица не может быть одновременно и здесь и там, в двух или более словообразовательных типах; одно и то же слово (в одном и том же значении) не может быть образовано разными способами, не может быть порождено двумя и более производящими одновременно», если это и происходит, то в результате «слияния в одно слово двух и более равнозначных слов, порознь образованных от разных производящих». А.И. Моисеев отмечает и терминологический разнобой, и демонстрацию одних и тех же производных (*хмельть*, *жиреть*) в одних случаях как типичного примера множественной мотивации (И.С. Улуханов), в других – как омонимии словообразовательных структур (А.Н. Тихонов).

В рамках структурной лингвистики неоднозначно решается вопрос о том, в пределах какой лексической единицы следует рассматривать множественность мотивации. Большая часть исследователей считают, что множественная мотивация проявляется в границах ЛСВ (Е.А. Земская, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, И.А. Ширшов). Р.М. Гейгер полагает, что данное явление следует анализировать на уровне лексемы, ибо мы «имеем дело с производным словом, которое в зависимости от разной структурно-семантической соотнесенности по-разному членится, что и отвечает понятиям множественной мотивации и множественности словообразовательной структуры» [Гейгер 1986: 36].

Появляется иная точка зрения на множественность мотивации в пределах многозначного слова, обусловленная тем, что лексико-семантический вариант – относительно самостоятельная единица, при исследовании которой важно учитывать ее связи в пределах многозначного деривата,

что обуславливает рассмотрение множественности мотивации как соотношения межсловной и внутрисловной деривации. Понимание множественности мотивации как одновременно действия механизма межсловной и внутрисловной деривации см. в [Араева 1987; Янценецкая, Араева 1990]. Такое понимание множественной мотивации значимо при изучении глубинных процессов порождения ЛСВ многозначных дериватов, семантической структуры типов и характера соотношения между этими языковыми категориями.

Ряд исследователей к множественной мотивации относят и омонимию словообразовательных структур [см. работы Г.О. Винокура, П.А. Соболевой, Н.М. Шанского]. В аспекте рассматриваемой парадигмы рациональна позиция Е.А. Земской, которая отмечает, что омонимия словообразовательных структур не имеет отношения к множественности мотивации, ибо в данном случае речь идет о единственной мотивации, связанной с разными лексико-семантическими вариантами [Земская 1975: 6].

Таким образом, проблема множественной мотивации достаточно разнопланово решалась в рамках структурно-системной парадигмы. Каждый из ученых, занимавшихся данной проблемой, внес свой вклад в развитие теории полимотивации. В 70-х, 80-х годах XX века данная проблема стала центральной в русистике благодаря конференциям в Самарканде и Ташкенте, проводимым А.Н. Тихоновым.

2. Множественная мотивация в аспекте пропозиционального анализа.

Е.С. Кубрякова расширяет рамки теории мотивации, включая в нее «изучение тех типов производных, которые мотивированы суждениями или же высказываниями, содержащими однокоренное с производным слово» [Кубрякова 1976, 286], что обуславливает различие непосредственно мотивирующего слова или словосочетания и мотивирующего суждения, «в котором непосредственно мотивирующее слово занимает ту или иную синтаксическую позицию» [Там же: 286-287]. Исследование словообразования через глубинный синтаксис в

80-х годах XX века представлено в работах С.Ю. Аддиванкина, Ю.Д. Апресяна, Л.А. Араевой, Е.Л. Гинзбурга, Н.Е. Грушко, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, Л.В. Сахарного, П.А. Соболевой, Ю.Г. Панкраца, И.С. Торопцева, З.А. Харитончик, Н.А. Янко-Триницкой, М.Н. Янценецкой и др. Разрабатываемая концепция не могла не повлиять на исследование в заданном направлении полимотивационных процессов.

Словообразование русского языка в основе своей синтаксично, производная семантика в свернутом виде реализует пропозицию с ее основными элементами и синтаксическими ролями между ними, которые могут быть выражены однокоренными словами, находящимися в отношениях множественной мотивации конкретного производного слова. Данный подход представлен в [Араева 1988; Янценецкая, Араева 1990]. Анализ таких примеров, как: *штопать* – *штопка* (действие) – *штопка* (средство действия) / *штопальщица*; *молотить* – *молотьба* (действие) – *молотьба* (результат / *молотильщик*; хлопковое поле (место действия) – *хлопок* (результат) / *хлопковик*; *прессовать* – *прессовка* (действие) – *пресс* (средство) / *прессовщик*, позволяет выявить пропозициональные структуры и пропозиции, репрезентированные соотношением мотивирующего и мотивированного слов.

Исследование особенностей системных отношений мотивирующих производного слова детерминировало выявление семантических типов множественной мотивации: (1) синтаксическая деривация; (2) метонимические связи производящих и производных (синтаксические функции, которые выполняют мотивирующие и мотивированное слово в глубинном суждении); (3) синтаксическая синонимия [Янценецкая, Араева 1990].

3. Антропоцентрическое видение множественной мотивации.

Новая научная парадигма в лингвистике, которая проявляется в работах отдельных лингвистов, таких, как Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Г.П. Мельников, З.А. Харитончик и др., в период, когда структурная лингвисти-

ка еще захватывает умы значительной части лингвистов, набирает силу к концу XX века. Результат – парадоксальный, словообразовательные изыскания оказываются на периферии научной лингвистической мысли. Данная ситуация продолжается и по настоящее время. Резко сокращается количество работ по дериватологии. Словообразование как самостоятельная сфера научных знаний складывается в семидесятые годы XX века. 70-е, 80-е годы ознаменованы дискуссиями в печати, на конференциях, издается большое количество работ, защищаются кандидатские, докторские диссертации по различным проблемам дериватологии. И – резкий спад. Между тем, словообразование как никакая иная область лингвистического знания наиболее сопряжена с актуализацией мысли, с мировоззрением и культурой человека. Необходимо было возвращение к Гумбольдту, работы которого можно осознать через чтение А. Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина, Э. Кассирера, А.А. Потебни, то есть чтение тех философских работ, которые оказались по объективным причинам вне поля зрения большинства советских лингвистов. Освоение новой парадигмы легче всего осуществляется молодыми исследователями, но они, как правило, не знакомы с традиционной лингвистикой. И проблемы, поднятые в словообразовании в советский период, были преданы забвению. Определенный прорыв в развитии теории полимотивации сделан в работах П.А. Кагышева, который интерпретирует явление полимотивации в аспекте работы сознания, не отрицая того, что сделано в рамках структурной лингвистики. Рассматривая множественную мотивацию как реализацию такой структуры знания, как пропозиция, исследователь приходит к пониманию когнитивной теории полимотивации. В силу того, что значение производного являет собой свернутое суждение, а иногда и не одно, полимотивация может быть актуализирована одним и тем же мотивирующим, выполняющим разные синтаксические позиции в одной и той же пропозиции, либо входящим в разные пропозиции. Например: *булочница* – женщина, которая печет булочки, а затем продает (выпеченные

ею) булки. В данном случае мотивирующая единица является единственной для производного слова *булочница* (*булки*), которая представлена в двух мотивирующих суждениях (в одном из них она выступает в аспекте результата действия, в другом – в аспекте объекта действия), что позволяет говорить о множественности мотивационных суждений, формально представленных в производном через одно мотивирующее. То есть в данном случае развивается идея Е.С. Кубряковой о множественности мотивирующих суждений в применении к анализу множественной мотивации.

Таким образом, в языке наряду с грамматической полимотивацией, выявленной в рамках структурной лингвистики, существует семантическая полимотивация, представленная множественностью мотивирующих суждений, в пределах которых мотивирующее актуализовано одним и тем же словом, входящим в разные суждения (ср.: *пасечник* – тот, кто работает на пасеке; тот, кто владеет пасекой), либо одно и то же мотивирующее выступает в пределах одного суждения в разных синтаксических ролях (ср.: *штопальщица* (субъект) – *штопает* (действие) – *штопка* (результат действия)). Дальнейшая разработка данной проблемы позволила выявить синтезированный вид полимотивации – грамматико-семантический (ср.: *оценщик* – тот, кто оценивает что-л., кого-л.; тот, кто делает оценку чего-л., кого-л.). Таким образом, континуумность мысли в таких дискретных языковых единицах, как производное слово, реализуется посредством полимотивационных процессов, представленных тремя видами: грамматическим, семантическим и грамматико-семантическим.

Следовательно, слово характеризуется определенным мотивационным пространством [Катышев 2001], гипостазирование одного или нескольких признаков создает условия актуализации единственной и множественной мотивации. Полимотивационные процессы являют способ актуализации внутренней формы слова, реализации неограниченного числа смыслов, проявляющихся в речи, когда ценностными оказываются самые незначительные нюансы свойств именованного

предмета. Созвучно с этими выводами высказывание Е.С. Кубряковой: «Согласно нашим представлениям, преобразования, наблюдаемые в разных трансформациях мотивирующего суждения (типа: *машина перевозит груз в пять тонн – машина, перевозящая пятитонные грузы – машина для перевозки пятитонных грузов – пятитонка*; ср. *также шаги черепахи и черепаший шаг; белая скатерть и белизна скатерти* и т.п.), не могут быть признаны эквивалентными, или же равнозначными. Думается, что для нормального протекания дискурса необходимы не столько синонимы, сколько альтернативные разноструктурные единицы со сходным содержанием, но с разной степенью семантической компрессии, когнитивной сложности и, конечно, фокусировкой внимания на разных деталях описываемого. Из этих альтернативных форм наиболее приемлемый вариант часто оказывается представленным производным или сложным словом, ибо они демонстрируют чрезвычайно удобные для оперирования ими в дискурсе знаки» [Кубрякова 2000: 21-22]. Таким образом, внутренняя форма слова – это возможная реализация неограниченного числа смыслов, содержащихся в мотивационном пространстве слова, экспликация которых в производных происходит посредством актуализации различных видов полимотивации. То есть мысль Потемби о понимании внутренней формы слова (дальнейшее значение) как о реализации неограниченного числа смыслов в нашем случае подтверждается, уточняется, каким образом это происходит в языке посредством реализации различных видов полимотивации. Все вышеизложенное дает возможность заключить, что полимотивация в ее грамматическом, семантическом и грамматико-семантическом статусе – явление, прототипичное для сознания русского человека. Все перечисленные виды полимотивации есть реализация через актуализованные в производном однокоренные слова либо одно слово в разных либо одной форме пропозициональных структур. То есть слово иконически отражает имеющиеся в мотивационном пространстве смыслы. Иконичность в этом случае

понимается как стремление к всесторонней представленности свойств именованного предмета [Антипов 2001; Катышев 2001]. Актуализация информации (смыслов), как представляется, индексальна по своей природе, и эта индексация проявляется, в частности, через полимотивацию. Чем более насыщено мотивационное пространство реализованными через слова одного гнезда соотношениями, тем богаче его внутренняя форма, тем сильнее интенции к порождению новых смыслов, обусловленных ассоциативной работой сознания. Метафорические и метонимические связи при этом реализуются в пределах фреймов через такие структуры знания, как пропозициональные структуры и пропозиции. Последние в производном слове объективируются в производном, в частности, посредством членов словообразовательного гнезда. Данная проблема в настоящее время исследуется М.А. Осадчим [Осадчий 2009]. Таким образом, проблема полимотивированности производного слова является одной из основных в словообразовании, рассматриваемом с общегуманистических позиций. Полимотивация, структурируя внутреннюю форму слова, эксплицирует дух русской нации, ее мировоззрение, культуру, идеологию. В полимотивации проявляются механизмы познания мира и системной организации языка.

4. К вопросу об определении словообразовательного типа

Дискуссия в традиционной лингвистике относительно необходимости при определении словообразовательного типа выделения такого критерия, как тождество частеречной оформленности мотивирующих, в свете сказанного, имеет основания. В структурной лингвистике при определении типа, по сути дела, отмечены явления, прототипичные для сознания русского народа. Многочисленные эксперименты, проведенные нами в различных ситуациях, проявили, что без предварительной подготовки реципиенты, характеризуя производное, указывали мотивирующее в грамматической форме, для которой характерна ядерная частеречная семантика. Ср.: *строитель* – это тот, кто строит (а не занимается *строительством, постройкой* и т.д.). То есть

структурная лингвистика, стремящаяся к стройности изложения системных связей, зафиксировала прототипичные случаи мотивационных отношений. Но вместе с тем, для многих исследователей данный критерий при определении типа стал своеобразным камнем преткновения. Что является далеко не случайным. Представляется, что данный критерий эксплицирует прототипичные явления в сознании русского человека, для которого глаголы связаны прежде всего с действием, существительные – с предметом, прилагательные – со свойством предметов, потому что части речи – это основные категории, в пределах которых формируются именованная действительности, но при этом важно осознавать, что сами эти категории имеют полевую организацию и размытые границы. И на периферии этих категорий всегда имеют место случаи, проявляющие асимметрию формы и содержания. Прототипичная семантика – это некий инвариант, предполагающий актуализацию значительного числа вариантов. Невольно приходит на ум ассоциация с фонемой и вариантами и вариациями в ее пределах. Как невозможно исследовать все звуки, реализуемые отдельными людьми в речи, так невозможно определить число смыслов, порождаемых в речи производными. И вряд ли в этом есть необходимость. Человек каждый раз, находясь в разных ситуациях, в зависимости от мотивации, целеполагания, настроения, состояния собеседника и т.д., рождает новые смыслы в разных высказываниях. И это невозможно фиксировать. Фиксировать необходимо то, что является устоявшимся и отмечено в лексикографических изданиях. Так же и словообразовательный тип фиксирует то, что является достаточно устоявшимся. Выделенные виды полимотивации – это нечто инвариантное, которое специфично актуализуется в речи отдельного человека. И это своеобразно создает особенность речевого портрета говорящего. Вместе с тем инвариантность сохраняет целостность значения, не перекрываемую его модификационной реализацией в речи. Ясно одно, тип – это нечто более сложное по сравнению с тем определением, которое он имеет; это некая голограмма, в пределах которой генерируются на

основе устоявшихся значений новые смыслы, позволяющие выявить самые незначительные свойства именованного предмета, то есть тип имеет эпистемологическую значимость. Смыслы рождаются в границах некоего инварианта, коим является лексическое и словообразовательное значение производного, не случайно при постоянных семантических модификациях тип остается идентичным самому себе.

References:

1. Актуальные проблемы русского словообразования, Самарканд, 1972.
2. Антипов А.Г. Словообразование и фонология: словообразовательная мотивированность звуковой формы. Томск, 2001.
3. Араева Л.А. Множественная мотивация и некоторые вопросы системных отношений в словообразовании и лексике // Словообразование в современном русском языке. Проблемы деривации и номинации в русском языке. Омск, 1988.
4. Араева Л.А. К вопросу о взаимодействии межсловной и внутрисловной мотиваций // Деривация в речевой деятельности (языковые единицы). Пермь, 1988.
5. Батурина О.В. Идиоматичность словообразовательной формы (на материале микологической лексики русского языка): Дисс. ... канд. Филол. Наук. – Кемерово, 2004.
6. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования // РЯШ, 1951. №2.
7. Гейгер Р.М. Проблемы анализа словообразовательной структуры и семантики в синхронии и диахронии. Омск, 1986.
8. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
9. Ермакова О.П. О некоторых изменениях в системе аффиксов и производящих основ качественных наречий // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
10. Катывшев П.А. Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Томск, 2001.
11. Коровин Ф.Г. Из истории становления качественных значений прилагательных с суффиксом –тель-ый в русском языке // Научные труды филол. ф-та Кирг. Гос. Ун-та. Фрунзе, 1968.

12. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М., 1989.

13. Кубрякова Е.С. Теория мотивации и определение степеней мотивированности производного слова // Актуальные проблемы русского словообразования. Научные труды. Т. №174, Ташкент, 1976.

14. Кураева Ю.С. Множественность словообразовательной структуры сложных прилагательных на -чск(ий) // Актуальные проблемы русского словообразования. Научные труды. Т. № 174, Ташкент, 1976.

15. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.

16. Левковская К.А. Словообразование. М., 1954.

17. Осадчий М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров. Фреймовая организация гнезда. М.: Либроком, 2009.

18. Павский Г. Филологические наблюдения (Рассуждение второе). СПб, 1842.

19. Покровский М.М. Материалы для исторической грамматики латинского языка. М., 1898.

20. Ряснянская Р.А. Множественность словообразовательной структуры имен прилагательных в современном русском языке. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Ташкент, 1980.

21. Тихонов А.Н. Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке // РЯШ, 1970. №4

22. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.

23. Черепанова В.Ф. Множественность словообразовательной структуры глаголов в современном русском языке. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Ташкент, 1976.

24. Шаталова З.И. Множественность словообразовательных структур имен существительных в современном русском языке. Автореф. ... дисс. Канд. Филол. наук. – М., 1984.

25. Ширшов И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов, 1981.

26. Янценецкая М.Н., Араева Л.А. Явление множественной мотивации в русском языке // Производное слово и способы его образования. Кемерово, 1990.